

РОБЕРТ БИТТИ

СЕРАФИНА
и ЧЕРНЫЙ
ПЛАЩ

Бестселлер The New York Times

Приключения Серафины

Роберт Битти

Серафина и черный плащ

«АСТ»

2015

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

Битти Р.

Серафина и черный плащ / Р. Битти — «АСТ»,
2015 — (Приключения Серафины)

ISBN 978-5-17-097328-6

В роскошном особняке мистера Вандербильта всегда множество гостей – богатых, знатных, знаменитых. Но никто не догадывается, что в подвале огромного дома живет очень необычная маленькая девочка Серафина, которая умеет отлично ловить мышей и крыс. Когда в дом приходит беда и начинают пропадать дети, именно Серафина решает найти похитителя и сразиться с ним. Ее лучшими друзьями и помощниками становятся племянник хозяина дома Брэден и его черный доберман Гидеан. Борясь за жизнь и счастье окружающих, Серафина неожиданно узнает удивительную тайну своего происхождения и находит собственное место в мире.

УДК 821.111-053.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-097328-6

© Битти Р., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

1	6
2	14
3	16
4	23
5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роберт Битти

Серафина и черный плащ

Моей жене Дженифер, которая помогла мне сочинять эту историю с самого начала.

И нашим девочкам – Камилле, Женевиэве и Элизабет, – которые для нас всегда будут первыми и главными слушателями.

Robert Beatty

SERAFINA AND THE BLACK CLOAK

This edition is published by Disney Hyperion, an imprint of Disney Book Group

© М. Торчинская, перевод на русский язык, 2016

© Text copyright © 2015 by Robert Beatty

All rights reserved. Published by Disney, Hyperion, an imprint of Disney

Book Group.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Поместье Билтмор

Эшвилл, Северная Каролина

1899

1

Серафина открыла глаза и внимательно осмотрела полутемную мастерскую в надежде приметить крыс, которые оказались настолько глупы, что осмелились явиться на ее территорию, пока она спала. Девочка знала, что они где-то здесь, за пределами ее ночного видения, прячутся в тенях и трещинах обширного подвала под огромным особняком, готовые стянуть все, что плохо лежит на кухнях и в кладовых. Большую часть дня Серафина дремала в своих любимых укромных местечках, но именно здесь, свернувшись на старом матрасе за ржавым паровым котлом в безопасности мастерской, она по-настоящему чувствовала себя дома. С грубо сколоченных стропил свешивались молотки, отвертки и прочие инструменты, и воздух был насквозь пропитан знакомым запахом машинного масла. Вглядевшись и вслушавшись в окружающую ее темноту, Серафина сразу подумала, что сегодня отличная ночь для охоты.

Много лет назад ее папаша работал на строительстве Билтморского поместья и с тех пор так и жил, ни у кого не спросясь, тут, в подвале. Сейчас он спал на топчане, который потихоньку сколотил себе позади длинной стойки с припасами. В старой железной бочке еще светились угли: на них отец несколько часов назад приготовил ужин – курицу с овсянкой.

За ужином они жались поближе к огню, чтобы хоть немного согреться. И, как всегда, Серафина съела курицу, а овсянку оставила.

– Доедай, – заворчал папаша.

– Уже доела, – ответила она, отставляя полупустую жестяную тарелку.

– Все доедай, – проговорил он, подталкивая тарелку обратно, – а то так и останешься размером с поросенка.

Папаша всегда сравнивал Серафину с поросенком, когда хотел вывести из себя. Он надеялся разозлить ее до такой степени, что она сгоряча проглотит мерзкую овсянку. Но она на это не купится. Больше не купится.

– Ешь овсянку, поросенок, – не унимался отец.

– Я не буду есть овсянку, па, – ответила Серафина, слегка улыбнувшись, – сколько бы ты ее передо мной ни ставил.

– Но это же просто перемолотое зерно, девочка моя, – сказал он, вороша палкой горящие ветки, чтобы они легли так, как ему хотелось. – Все любят зерно. Все, кроме тебя.

– Ты же знаешь, я не выношу ничего зеленого, или желтого, или всякой гадости вроде овсянки, па, так что хватит ругаться.

– Если б я ругался, ты б не такое услышала, – проговорил он, тыча палкой в огонь. – Но тебе надо доесть ужин.

– Я съела то, что съедобно, – ответила она твердо, словно подводя черту.

Потом они забыли про овсянку и заговорили о другом.

Вспомнив ужин с отцом, Серафина невольно улыбнулась. Что может быть лучше, – не считая, скажем, сладкого сна на согретом солнцем подоконнике подвального окошка, – чем добродушная перепалка с папашей.

Осторожно, чтобы не разбудить его, Серафина поднялась с матраса, тихо пробежала по пыльному каменному полу мастерской и выскользнула в длинный коридор. Она еще терла глаза спросонья и потягивалась, но уже ощущала легкое волнение. Тело трепетало в предвкушении новой ночи. Ее чувства пробуждались, мышцы наливались силой, словно у совы, расправляющей крылья и выпускающей когти перед тем, как отправиться на свой полуночный промысел.

Она беззвучно двигалась мимо прачечных, кладовых и кухонь. В течение дня подвальные помещения кишмя кишели слугами, но сейчас везде было пусто и темно, именно так, как ей нравилось. Она знала, что Вандербильты и их многочисленные гости спят на втором и третьем этажах прямо над ней. Но здесь царила тишина. Ей нравилось красться по бесконечным

коридорам мимо погруженных во мрак кладовых. Она узнавала на ощупь, по игре отблесков и теней, каждый изгиб и поворот коридора. В темное время суток это было ее, и только ее, царство.

Впереди раздалось знакомое шуршание. Ночь быстро вступала в свои права.

Серафина замерла. Прислушалась.

Через две двери отсюда. Шорох маленьких лапок по ничем не прикрытому полу. Она крадучись пошла вдоль стены, но, едва звуки смолкли, тут же остановилась. Как только шорох возобновился, она снова сделала несколько шагов. Этому приему Серафина научилась сама еще лет в семь: двигайся, когда они двигаются, замирай, когда они затихают.

Теперь она уже слышала их дыхание, стук коготков по камню, шелест, с которым хвосты волочились по полу. Она ощутила привычную дрожь в пальцах; мышцы ног напряглись.

Серафина скользнула в приоткрытую дверь кладовки и сразу разглядела их в темноте: две здоровенные крысы, покрытые грязно-бурым мехом, выбрались друг за дружкой из водосточной трубы в полу. Совершенно очевидно, что новенькие: вместо того, чтобы слизывать заварной крем со свежей выпечки в соседней комнате, они бестолково гонялись здесь за тараканами.

Не издав ни звука, не поколебав даже воздуха, она шагнула к крысам. Ее глаза неотрывно следили за ними, уши улавливали малейший звук, нос чуял их отвратительный помоечный запах. А они продолжали мерзко копошиться, даже не замечая ее.

Она остановилась всего в паре шагов от них, в густой тени, готовая кинуться в любой момент. Как она любила этот миг перед самым броском! Ее тело едва заметно качнулось, выбирая положение, из которого лучше всего напасть, а затем рванулось вперед. Одно молниеносное движение – и она уже держала голыми руками обеих визжащих, сопротивляющихся крыс.

– Попались, мерзкие твари! – прошипела она.

Маленькая крыса, охваченная ужасом, отчаянно извивалась, пытаясь вырваться, но та, что покрупнее, извернулась и укусила Серафину за руку.

– Без фокусов, – зарычала девочка, стискивая крысиную шею между большим и указательным пальцами.

Крысы бешено сопротивлялись, но Серафина держала крепко. Это умение пришло к ней не сразу, но постепенно она поняла: если уж поймала, то вцепись и держи изо всех сил несмотря ни на что, не обращая внимания на острые когти и чешуйчатые хвосты, которые норовят обвиться вокруг твоей руки, словно гадкие серые змеи.

После нескольких мгновений яростной борьбы подуставшие крысы осознали, что им не вырваться. Обе затихли, подозрительно уставившись на нее черными глазками-бусинками. Укусившая крыса дважды обвила длинный чешуйчатый хвост вокруг руки Серафины и явно готовилась к новому рывку.

– Даже не пытайся, – предупредила она.

Укус еще кровил, и у нее не было никакого желания продолжать эту крысиную возню. Серафину кусали и раньше, и это всегда ее злило.

Крепко сжимая мерзких тварей в кулаках, она пошла по коридору. Приятно было еще до полуночи поймать двух крыс, особенно таких, – они были из тех гадин, что прогрызали мешки с зерном и скидывали яйца с полок, чтобы слизать растекшееся по полу содержимое.

Поднявшись по старым каменным ступеням, Серафина выбралась во двор, а затем прошла насквозь через поместье до самой опушки леса и только тогда швырнула крыс в палую листву.

– Убирайтесь и не вздумайте вернуться, – крикнула она. – В следующий раз я буду не так любезна!

Крысы стремительно прокатились по земле, затем замерли, дрожа и ожидая смертельного броска. Но броска не последовало, и они изумленно обернулись.

– Сматывайтесь, пока я не передумала, – пригрозила Серафина.

В мгновение ока они исчезли в высокой траве.

Бывали времена, когда пойманным крысам везло гораздо меньше, чем этим двум, когда она оставляла мертвые тушки возле отцовской кровати, чтобы он увидел результаты ее ночной работы. Но это было тысячу лет назад.

С раннего детства Серафина внимательно наблюдала за мужчинами и женщинами, которые трудились в подвальных помещениях, и знала, что каждый из них выполняет определенную работу. Обязанностью отца было чинить обычные и грузовые лифты, оконные механизмы, систему отопления и другие механические приспособления, от которых зависела жизнь особняка в двести пятьдесят комнат. Он также следил за работой органа в Большом банкетном зале, где мистер и миссис Вандербильт устраивали балы. Кроме ее отца в доме имелись повара, кухарки, угольщики, трубочисты, прачки, кондитеры, служанки, лакеи и прочие, и прочие.

Когда Серафине было десять лет, она спросила:

– Па, а у меня тоже есть своя работа, как у всех остальных?

– Ну конечно, есть, – ответил он.

Но Серафине не верилось: он говорил так, чтобы не огорчать ее.

– Ну и что это за работа? – не отставала она.

– Это очень важное дело, которое никто не способен выполнить лучше тебя, Сера.

– Ну скажи, па. Какое это дело?

– Полагаю, тебя можно назвать С.Г.К. Билтморского поместья.

– Что это значит? – взволнованно спросила она.

– Ты Самый Главный Крысолов, – ответил он.

Может, отец и пошутил тогда, но его слова запали девочке в душу. Даже сейчас, через два года, она помнила, как задохнулась от волнения, как расплылась в горделивой улыбке, услышав слова: Самый Главный Крысолов. Ей понравилось, как это звучит! Общеизвестно, что грызуны – бич сельских поместий вроде Билтмора, с их кладовыми, амбарами и клетями. И Серафина действительно с малых лет выказала врожденный талант к ловле хитрых четвероногих вредителей, которые гадят, воруют еду и ловко обходят расставленные взрослыми неуклюжие ловушки и приманки с ядом. Она легко справлялась с робкими пугливыми мышками, в самый ответственный момент терявшими голову от страха. А вот за крысами приходилось гоняться каждую ночь, и именно на них Серафина отточила свои способности. Сейчас ей было двенадцать. И она была – С.Г.К. Серафина.

Пока девочка следила за улепетывавшими в лес крысами, ее охватило странное чувство. Ей хотелось рвануть за ними следом, увидеть то же, что видели они под листьями и ветками, обегать все холмы и долины, исследовать ручьи и другие чудеса. Но папаша строго-настрого запретил ей соваться в лес.

– Там обитают темные существа, – повторял он снова и снова. – И неведомые силы, которые могут причинить тебе вред.

Стоя на опушке, Серафина вглядывалась в сумрак за деревьями. Она слышала множество историй о людях, заблудившихся в лесу и не вернувшихся назад. Интересно, что за опасности подстерегали их там? Колдовство, черти, кошмарные звери? Чего или кого так боится отец?

Она могла до бесконечности препираться с папашей без всякой цели и на любую тему – из-за того, что отказывалась есть овсянку, спала днем и охотилась ночью, подсматривала за Вандербильтами и их гостями, – но они никогда не обсуждали лес. Серафина знала, что про лес папаша говорит всерьез. Она понимала, что иногда можно дерзить и не слушаться, но порой надо сидеть тихо и делать, что велют, – если хочешь жить.

Чувствуя себя странно одинокой, она отвернулась от леса и посмотрела на поместье. Луна висела над покрытыми черепицей островерхими крышами и отражалась в стеклянном куполе зимнего сада. Над горами перемигивались звезды. Трава, деревья и цветы на ухоженных газонах сияли в лунном свете. Серафина видела все до мельчайших подробностей – каждую жабу, и

ящерицу, и других ночных тварей. Одинокая птица-пересмешник пела на магнолии вечернюю песню, а птенцы колибри в крошечном гнезде на вьющейся глицинии чуть слышно шебуршились во сне.

При мысли, что все это помогал строить ее отец, Серафина немного приободрилась. Он был одним из сотен каменщиков, столяров и прочих мастеров, которые много лет назад спустились в Эшвилл с окрестных гор, чтобы возвести поместье Билтмор. С тех пор папаша так и присматривал за техникой. Но каждую ночь, когда остальные работники подвальных помещений расходились по домам и семьям, папаша с Серафиной прятались среди паровых котлов и механизмов в мастерской, как безбилетные пассажиры в машинном отделении огромного судна. Дело в том, что им некуда было идти, у них не было дома, где бы их ждали родные. Когда Серафина спрашивала папашу о маме, он отказывался говорить. Так что у них – у Серафины с папашей – совсем никого не было, и, сколько она себя помнила, они всегда жили в подвале.

– Па, почему мы не живем в комнатах вместе с остальными слугами или в городе, как другие рабочие? – спрашивала она много раз.

– Это не твоя забота, – бурчал он в ответ.

Отец научил ее неплохо читать и писать, много рассказывал об окружающем мире, но никак не желал говорить о том, что интересовало Серафину больше всего: о том, что творится у него на душе, что случилось с мамой, почему у нее нет братьев и сестер, почему у них с отцом нет друзей и никто не приходит к ним в гости. Иногда ей так хотелось достучаться до него, хорошенько встряхнуть и посмотреть, что из этого выйдет. Но обычно отец спал всю ночь и работал весь день, а по вечерам готовил ужин и рассказывал ей всякие истории. В общем, они прекрасно жили вдвоем, и Серафина не тормозила отца, потому что знала – он не хочет, чтобы его тормозили. Вот она и не тормозила.

Ночью, когда особняк погружался в сон, Серафина потихоньку прокрадывалась наверх и таскала книги, чтобы читать их при лунном свете. Однажды она подслушала, как лакей хвастался гостившему в поместье писателю, что мистер Вандербильт собрал двадцать две тысячи книг, и только половина из них помещается в библиотеке. Остальные лежали и стояли на столах и полках по всему дому, и для Серафины они были, как спелая ирга – рука так и тянется сорвать. Никто не замечал, что книги время от времени исчезали, а потом снова появлялись на том же месте через несколько дней.

Она читала о войнах между штатами, об истрепанных в бою знаменах, о дышащих паром металлических чудовищах, которые калечили людей. Ей хотелось пробраться ночью на кладбище вместе с Томом и Геком, и оказаться на необитаемом острове вместе со швейцарской семьей Робинзонов. Иногда по ночам Серафина воображала себя одной из четырех дочек у заботливой мамы из «Маленьких женщины», представляла, как встречает призраков в Сонной лощине или стучит и стучит до бесконечности клювом вместе с вороном Эдгара По. Она любила пересказывать прочитанные книги отцу и сочинять собственные истории про воображаемых друзей, странные семьи и ночных призраков, но отец никогда не интересовался ее страшилками. Он был слишком здравомыслящим для такой ерунды и не желал верить ни во что, кроме кирпичей, замков и прочих осязаемых предметов.

С возрастом Серафина все чаще мечтала о тайном друге, с которым можно поговорить обо всем на свете. Но, разгуливая ночами по подвальным коридорам, вряд ли повстречаешь других детей.

На кухне и в котельной работали повара и подмастерья, которые по вечерам уходили домой. Иногда они мельком видели Серафину и приблизительно знали, кто она такая. Но взрослые служанки и лакеи с верхних этажей никогда с ней не встречались. И уж конечно, хозяин и хозяйка дома даже не догадывались о ее существовании.

– Вандербильты неплохие господа, Сера, – говорил ей отец, – но они не нашего поля ягоды. Если увидишь их – прячься. Не позволяй никому рассмотреть себя. И, что бы ни случилось, не рассказывай, как тебя зовут и кто ты такая. Слышишь меня?

Серафина слышала. Она все прекрасно слышала. Она даже слышала, о чем думаетмышь. И все равно не понимала, почему они с папашей живут так, как живут. Серафина не знала, зачем папаша прячет ее ото всех, чего он стыдится, но она любила его всем сердцем и ни в коем случае не хотела огорчить.

Поэтому она научилась передвигаться тихо и незаметно – не только затем, чтобы ловить мышей, но и чтобы избегать людей. Когда Серафина чувствовала себя особенно смелой или одинокой, она прокрадывалась наверх, к нарядным господам. Маленькая для своего возраста, она пряталась и скользила, играючи сливаясь с тенью. Она следила за разодетыми гостями, которые приезжали в роскошных, запряженных лошадьми экипажах. Никто ни разу не обнаружил ее под кроватью или за дверью. Никто, доставая пальто, не увидел ее в глубине шкафа. Когда леди и джентльмены гуляли по окрестностям, она незаметно следовала за ними, подслушивая разговоры. Ей нравилось разглядывать девочек в голубых и желтых платьях, с развевающимися лентами в волосах. Она бегала вместе с ними, когда они резвились в саду. Играя в прятки, дети даже не догадывались, что вместе с ними играет еще кто-то. Иногда Серафина видела самого мистера Вандербильта, прогуливающегося рука об руку с миссис Вандербильт, или их двенадцатилетнего племянника, который катался на лошади. Рядом всегда бежала гладкая черная собака.

Она всех их видела, а они ее – нет. Даже собака ни разу ее не почуяла. Иногда Серафина гадала, что будет, если они ее заметят. Что случится, если ее увидит мальчик? Как ей себя вести? А если ее унюхает собака? Успеет ли она вскарабкаться на дерево? А что она сказала бы миссис Вандербильт, столкнувшись лицом к лицу? «Здравствуйте, миссис В. Я ловлю ваших крыс. Вам как больше хочется – чтобы я их сразу убивала или просто вышвыривала из дома?» Иногда Серафина представляла, что тоже носит нарядные платья, ленты в волосах, блестящие туфельки. А изредка, совсем изредка, ей хотелось не просто тайком слушать разговоры других людей, но и самой в них участвовать. Не только смотреть на других, но чтобы и на нее смотрели тоже.

И сейчас, возвращаясь через луг к главному дому, она думала, что будет, если кто-то из гостей или, к примеру, молодой хозяин, чья спальня расположена на втором этаже, вдруг проснется, выглянет из окна и увидит таинственную девочку, разгуливающую в одиночестве посреди ночи.

Папаша никогда об этом не упоминал, но Серафина знала, что не похожа на других. Она была маленькая и тощая – одни кости, мышцы да сухожилия.

У нее не было платья; она носила старые отцовские рубашки, стягивая их на тонкой талии веревкой, украденной в мастерской. Отец не покупал ей одежду, поскольку не хотел, чтобы люди в городе начали задавать вопросы и совать нос не в свое дело; он этого не выносил.

Ее длинные волосы были не одного цвета, как у нормальных людей, а разных оттенков золотистого и светло-коричневого. На лице выделялись слишком острые скулы. А еще у нее были огромные янтарно-желтые глаза. Ночью она видела так же хорошо, как днем. И ее способность беззвучно передвигаться и подкрадываться тоже была необычна. Остальные люди, особенно папаша, издавали при ходьбе не меньше шума, чем рослые бельгийские лошади-тяжеловозы, которые перетаскивали сельскохозяйственную технику на поля мистера Вандербильта.

Глядя на окна большого дома, она невольно спросила себя: что снится всю ночь напролет людям, которые спят сейчас в своих спальнях, в мягких постелях? Людям с крупными телами, одноцветными волосами, длинными острыми носами. Что снится им всю роскошную ночь напролет? О чем они мечтают? Что их смешит и пугает? Что они чувствуют? Что едят их дети за ужином – овсянку или только куриное мясо?

Неслышно сбегая по ступеням в подвал, Серафина уловила какие-то звуки в одном из дальних коридоров. Она замерла и прислушалась, но все равно не смогла определить, что это такое. Точно не крыса. Кто-то покрупнее. Но кто?

Заинтересовавшись, она пошла на звук. Миновала папашину мастерскую, кухни и остальные помещения, которые знала наизусть. Затем прошла дальше, на территорию, где охотилась гораздо реже. Она услышала, как закрылась дверь, потом раздались шаги и сдавленный шум. Сердце забило чаще. Кто-то бродил по подвальным коридорам. Ее коридорам.

Серафина пошла навстречу. Это был не слуга, который каждую ночь выносил мусор, и не лакей, собирающий поздний ужин для проголодавшегося гостя, – она легко узнавала по шагам каждого из них. Иногда подручный дворецкого – мальчишка лет одиннадцати – останавливался посреди коридора, чтобы торопливо проглотить пару печений с серебряного подноса, который ему было велено отнести наверх. Серафина замирала в нескольких метрах от него, в темноте за углом, представляя, что они друзья и весело болтают. А затем мальчишка вытирал с губ сахарную пудру и убегал, спеша наверстать упущенное время.

Но это был и не мальчишка. Кто бы это ни был, он носил обувь с твердыми каблуками – дорогую обувь. Но приличному господину не место в подвальных помещениях! Что он делал в темных коридорах посреди ночи?

Охваченная любопытством, Серафина последовала за незнакомцем, делая все, чтобы он ее не заметил. Когда она подбиралась совсем близко, ей становилась видна высокая черная фигура с едва теплящимся фонарем. Рядом двигалась вторая тень, но Серафина не смела подойти еще ближе, чтобы разобрать, кто или что это такое.

Подвал был огромным и уходил под холм, на котором стоял дом; в нем было множество уровней, коридоров, помещений. В кухнях и прачечных прорезали окна и оштукатурили стены; эти комнаты не отличались красотой отделки, но были сухими, чистыми и обустроенными для слуг, которые трудились там каждый день. Дальние участки лежали глубоко в основании фундамента. Стены и потолки в этих промозглых помещениях были сложены из грубо обработанных каменных глыб, между которыми темными полосами выступал застывший строительный раствор. Серафина редко туда ходила, поскольку там было холодно, сыро и грязно.

Неожиданно шаги поменяли направление – теперь они двигались в ее сторону. Пять вспугнутых крыс с писком промчались по коридору мимо девочки; Серафина никогда не видала, чтобы грызуны были охвачены таким ужасом. Пауки и тараканы выбегали из каменных щелей, многоножки вывинчивались из земляного пола. Оторопевшая от вида всеобщего бегства, она вжалась в стену и затаила дыхание, как трясущийся крольчонок в тени пролетающего над ним ястреба.

Человек приближался, и теперь Серафина расслышала другие звуки. Это напоминало шарканье маленьких ног, обутых в легкие туфли, – возможно, детских ног, – но что-то было не так. Ноги волочились, иногда ехали по каменному полу... ребенок был искалечен... нет... он упирался, его тащили силой!

– Нет, сэр! Пожалуйста, не надо! – всхлипывала девочка. Ее голос беспомощно дрожал от страха. – Нам сюда нельзя. – Судя по речи, девочка была из хорошей семьи и воспитывалась в дорогом учебном заведении.

– Не волнуйся. Нам вот сюда... – проговорил мужчина, останавливаясь перед дверью.

Прямо за углом замерла, сжавшись, Серафина. Она слышала его дыхание, движение рук, шорох одежды. Ее бросало в жар, ей хотелось убежать, умчаться, но ноги отказывались двигаться.

– Тебе нечего бояться, дитя, – говорил человек девочке. – Я не причиню тебе вреда...

От его слов у Серафины мурашки побежали по спине. «Не ходи с ним, – мысленно взмолилась она. – Не ходи!»

Судя по голосу, девочка была немного младше ее, и Серафине хотелось ей помочь, но не хватало смелости. Она распласталась по стене, почти уверенная, что ее заметят. Ноги у нее дрожали так, что казалось, вот-вот подломятся. Она не видела, что происходит за углом, но девочка вдруг издала вопль, от которого кровь застыла в жилах. Серафина подскочила от страха и сама с трудом подавила крик. Затем послышались звуки борьбы – девочка вырвалась из рук незнакомца и бросилась бежать. «Беги, девочка, беги», – мысленно подгоняла ее Серафина.

Следом затопали удаляющиеся мужские шаги. Серафине было понятно, что он не гонится за девочкой, а спокойно, неумолимо движется вперед, уверенный, что ей не скрыться. Папаша как-то рассказывал Серафине о том, как рыжие волки загоняют оленей в горах – неторопливо и настойчиво, без всякой спешки.

Серафина не знала, что делать. Забиться в темный угол в надежде, что он ее не найдет? Бежать прочь вместе с насмерть перепуганными крысами и пауками, пока еще есть возможность? Лучше всего кинуться к отцу, но что станет с девочкой – такой беспомощной, медлительной, слабой, испуганной? Больше всего на свете ей сейчас нужна была помощь друга. Серафине очень хотелось стать этим другом; она страстно желала помочь... но не могла заставить себя сделать ни шагу в направлении мужчины.

Девочка снова закричала. «Эта грязная тухлая крыса убьет ее, – подумала Серафина. – Он ее убьет».

В приступе ярости и бесстрашия Серафина рванулась на шум, переставляя ноги с бешеной скоростью; ее трясло от возбуждения. Она стремительно огибала поворот за поворотом, но, когда перед ней возникли старые замшелые ступени, уводящие на самую глубокую глубину под фундаментом, она резко остановилась, переводя дыхание, и мотнула головой. Это было промозглое, отвратительное место, которое она всегда старалась обходить стороной, – особенно зимой. Серафина не раз слышала разговоры о том, что зимой под фундаментом хранят мертвые тела, поскольку в промерзшей затвердевшей почве невозможно выкопать могилу. С какой стати девчонка побежала туда?

Серафина стала нерешительно спускаться по липким скользким ступеням, встряхивая то одной, то другой ногой после каждого шага. Затем пошла по длинному извилистому коридору. С потолка капала темная жижа. Это промозглое омерзительное место пугало ее до жути, но она продолжала идти. «Ты должна помочь ей, – говорила она себе. – Ты не можешь повернуть назад». Она пробиралась по лабиринту извивающихся коридоров, поворачивала направо, налево, направо, пока не потеряла счет пройденным поворотам. И тут снова услышала шум борьбы и крики прямо за углом. Она была совсем близко!

Серафина остановилась в неуверенности. Сердце колотилось от страха так, словно вот-вот разорвется, ее била крупная дрожь. Она не желала сделать вперед ни шагу, но друзьям полагалось всегда приходить на помощь. В этом Серафина была твердо убеждена – при всех своих скудных познаниях о дружбе. И она не собиралась спастись бегством, как ополоумевшая от ужаса белка, в ту самую минуту, когда кто-то в беде.

Она постаралась успокоиться, глубоко вдохнула и шагнула за угол.

На каменном полу валялась опрокинутая лампа с разбитым стеклом, но огонек в ней еще тлел. Он слабо высвечивал отчаянно бьющуюся девочку в желтом платье. Высокий мужчина в черном плаще с капюшоном крепко сжимал ее запястья. Его руки были покрыты пятнами крови.

– Нет! Отпустите! – кричала девочка, вырываясь.

– Успокойся. – Его голос как-то странно не то шипел, не то булькал. – Я не причиню тебе вреда, – повторил он.

У девочки были кудрявые светлые волосы и бледная кожа. Она билась изо всех сил, но мужчина в плаще тянул ее к себе. Девочка рванулась и ударила его по лицу крошечными кулачками.

– Не дергайся, и скоро все кончится, – проговорил он, продолжая тянуть ее за руки.

Серафина вдруг поняла, что совершила ужасную ошибку. Эта задача была ей явно не по силам. Ноги, казалось, приросли к полу. Она боялась вздохнуть, не то что кинуться в драку.

«Помоги ей! – кричала она себе. – Помоги! Напади на крысу! Напади на крысу!»

С трудом собравшись с силами, Серафина качнулась вперед, но в этот самый миг черный атласный плащ взмыл в воздух, словно под ним был не человек, а призрак. Девочка завизжала. Полы плаща обвились вокруг нее, как щупальца голодного осьминога. Казалось, он двигается сам по себе – обматывается, закручивается, стягивается – под громкий стук и шипение, которое могла бы издавать одновременно сотня гремучих змей. Серафина успела увидеть перепуганное лицо девочки над заворачивающимися полами плаща и умоляющий взгляд голубых глаз: «Помогите! Помогите!». Затем плащ накрыл ее с головой, крик смолк, и девочка исчезла – осталась лишь чернота.

Серафина задохнулась от ужаса. Только что девочка пыталась вырваться, и вот она уже растворилась в воздухе. Плащ проглотил ее. Ошеломленная, растерянная, испуганная, Серафина словно окаменела.

Несколько мгновений мужчину яростно трясло. В темноте было видно, что вокруг него образовалось слабое призрачное сияние, и в тот же миг в нос Серафине ударил мерзкий запах гниения. Голова ее невольно дернулась назад. Девочка сморщилась и сжала губы, задерживая дыхание.

Наверное, она все же издала какой-то едва слышный звук, потому что мужчина в черном плаще вдруг резко обернулся и посмотрел прямо на нее. Он ее заметил! Серафине показалось, что огромная клешня сжала грудную клетку. Капюшон скрывал лицо мужчины, но глаза горели во тьме потусторонним светом.

Серафина снова застыла.

Мужчина хрипло прошептал:

– Я не причиню тебе вреда, дитя...

2

Услышав эти жуткие слова, Серафина словно очнулась. Буквально секунду назад она видела, что за ними последует. «Не выйдет, крыса!» Она повернулась и с новыми силами кинулась бежать.

Она мчалась сквозь лабиринт по сходящимся и расходящимся туннелям, неслась как вихрь, уверенная, что оставила его далеко позади. Но, оглянувшись через плечо, увидела, что страшный человек дышит ей в затылок: он летел, раскинув полы плаща и планируя на них, как на крыльях, протягивая к ней окровавленные руки.

Серафина попыталась ускорить бег, но в тот момент, когда она уже достигла ступеней, ведущих к основному уровню подвала, человек в черном все-таки настиг ее. Одна рука стиснула плечо, другая сомкнулась на шее. Серафина повернулась и зашипела, как рассерженный зверек. Потом завертелась, яростно отбиваясь, и выскользнула из его хватки.

Она рванула вверх по лестнице, перескакивая сразу через три ступени, но он следовал за ней по пятам. Наконец он дотянулся и схватил ее за волосы. Серафина закричала от боли.

– Хватит сопротивляться, малышка, – произнес он спокойно, хотя его пальцы по-прежнему выдирали ей пряди волос.

– Ни за что, – огрызнулась она и укусила его за руку.

Она сражалась со всей яростью, на какую была способна, царапалась и кусалась, но силы были слишком неравны. Человек в черном прижал ее к груди и обвил руками.

Полы плаща поднялись вокруг нее, мерцающая серой дымкой. Серафина задыхалась от омерзительного запаха гнили. В ушах стоял отвратительный стук, плащ закручивался и сжимался вокруг нее. Наверное, так стискивает жертву своими кольцами удав.

– Я не причиню тебе вреда, дитя, – вновь жутко зарокотал голос, как будто его обладатель не владел собой, а был во власти безумного голодного духа.

Полы плаща накрыли Серафину с головой, к горлу подкатила тошнота. Она чувствовала, как душа ускользает, – нет, не ускользает, ее вытягивают, выдергивают. Смерть подступила так близко, что тьма застила глаза, и Серафина уже слышала крики детей, прошедших этот путь до нее.

– Нет! Нет! Нет! – закричала она, упираясь.

Она вовсе не хотела исчезать. Дико шипя, она вцепилась ногтями в лицо страшного человека, метя в глаза. Она била его ногами в грудь, кусалась, рычала, как бешеный зверь, ощущая на губах вкус его крови. Девочка в желтом тоже сопротивлялась, но совсем не так. В конце концов Серафине удалось снова вырваться. Она упала на каменный пол, но приземлилась на ноги и тут же метнулась в сторону.

Серафина хотела обратно к отцу, но понимала, что так далеко ей не добежать. Она помчалась по коридору, влетела в главную кухню – там было не меньше дюжины уголков, где можно спрятаться. Скользнуть в черную чугунную плиту? Забиться между медными горшками на полке под самым потолком? Нет. Тут требовалось что-то понадежнее.

Но здесь она была на своей территории, где все знакомо, – свет и темнота, лево и право. В каждом из этих углов ей доводилось охотиться на крыс, и теперь она не собиралась становиться такой же крысой. Она была Самым Главным Крысоловом. И никаким ловушкам, приспособлениям или злобным людям ее не поймать. Она мчалась, прыгала, ползла, как дикий зверек.

Добравшись до бельевой, где на многочисленных деревянных полках лежали стопки сложенных белых простынь и одеял, она заползла в щель в стене под самой нижней полкой в углу. Даже если человек заметит эту дыру, она для него слишком мала. Но Серафине было в самый раз; она знала, что дыра ведет в дальнюю часть прачечной.

Через миг девочка очутилась в комнате, где развешивали и сушили господское постельное белье. Снаружи взошла луна, и ее лучи пробились в подвальные окна. Сотни развевающихся белых простынь свисали с потолка подобно привидениям, а серебристый лунный свет придавал им потустороннее сияние. Серафина остановилась было между свисающими простынями, решая, можно ли здесь укрыться, но тут же передумала и побежала дальше.

К добру или нет, ей наконец пришла в голову мысль, где спрятаться. Мистер Вандербильт очень гордился тем, что у него самая современная техника во всем Билтморе. Папаша Серафины сконструировал специальные сушилки, которые ездили по направляющим на потолке и задвигались в узкие проемы в стенах, где простыни и одежда высушивались с помощью паровых батарей. Стремясь найти самое надежное укрытие, она ухитрилась распластаться и протиснуться в узкую щель в стене.

С самого рождения Серафина физически отличалась от других. У нее было не по пять, а по четыре пальца на ногах, и ключицы соединялись с остальными костями не так, как у остальных людей, хотя на первый взгляд телосложение девочки казалось вполне обычным. Благодаря своим особенностям Серафина могла просачиваться в действительно узкие щели. Промемы сушильного механизма имели несколько сантиметров в ширину, но, протиснув голову, она втянула и все туловище.

Серафина забилась в темное отверстие, где, как ей казалось, человек в плаще вряд ли сможет ее отыскать. Измученная, обессиленная и безумно напуганная, она пыталась вести себя очень тихо, но дышала, как загнанный зверек. Плащ поглотил девочку в желтом платье, и Серафина знала, кого человек в черном наметил следующей жертвой. Оставалось только надеяться, что бешеный стук сердца не выдаст ее.

Он медленно прошел по коридору в сторону кухни. Видимо, он потерял ее в темноте и теперь методично обходил помещение за помещением. Серафина услышала, как скрипят, открываясь, дверцы чугунных плит. «Если бы я туда забралась, – мелькнуло у нее, – то уже была бы мертва».

Затем человек в черном плаще застучал медными горшками, высккивая ее на верхней полке.

«Если бы я забралась туда, я бы уже погибла».

– Тебе нечего бояться, – шептал он, надеясь выманить ее из укрытия.

Она слушала и ждала, дрожа, как мышка-полевка.

Наконец человек в плаще вошел в прачечную.

«Мыши пугливы и в самый ответственный момент теряют голову от страха».

Он переходил с места на место, шаря под раковинами, открывая и закрывая шкафчики.

«Замри, мышка, – повторяла она себе. – Замри».

Ей хотелось бежать сломя голову, но она отлично знала, что мертвыми становились именно те грызуны, которые начинали метаться.

«Не будь тупой мышью, – твердила она мысленно. – Не будь тупой мышью».

Тут он вошел в сушилку, где пряталась Серафина, и стал не спеша продвигаться по комнате, проводя руками по призрачно-белым простыням.

«Если бы я спряталась среди них...»

Он был теперь всего в нескольких шагах от нее и неторопливо оглядывался по сторонам. Он не видел ее, но, казалось, ощущал ее присутствие.

Серафина затаила дыхание и стала совершенно, совершенно неподвижной.

3

Серафина медленно открыла глаза.

Она не знала, как долго спала, и не сразу сообразила, где находится. В узком темном пространстве она едва могла пошевелиться и прижималась лицом к металлу.

Рядом раздался звук приближающихся шагов. Серафина замерла, прислушиваясь.

Это был мужчина в рабочих сапогах; он шел, позвякивая инструментами. Задохнувшись от счастья, она выскользнула из проема прямо под лучи утреннего света, бьющие в окна прачечной.

– Я здесь, па! – крикнула она слабым измученным голосом.

– Я чуть с ума не сошел, пока тебя искал! – рассерженно проговорил он. – Тебя не было утром в постели!

Серафина бросилась к отцу и обняла, прижавшись к его груди. Он был крупным, грубоватым мужчиной с сильными руками и жесткими мозолистыми ладонями. К кожаному фартуку крепились инструменты, и от него слабо пахло железом, машинным маслом и кожаными приводными ремнями от механизмов в мастерской.

Издали доносились обычные утренние звуки, начинался новый день: звякали горшки на кухне, переговаривались работники. Сегодня эта какофония была музыкой для ушей Серафины. Ночная опасность миновала. Она выжила!

В отцовских объятиях она чувствовала себя дома и в полной безопасности. С молотками и гвоздями папаша управлялся куда увереннее, чем с ласковыми словами, но он всегда заботился о Серафине, любил и защищал ее. Слезы облегчения выступили у нее на глазах.

– Ты где была, Сера? – спросил папаша.

– Он чуть не догнал меня, па! Он хотел убить меня!

– О чем ты, девочка? – подозрительно спросил он, придерживая дочь за плечи и внимательно вглядываясь ей в лицо. – Это что, еще одна из твоих диких выдумок?

– Нет, па. – Она замотала головой.

– Мне сейчас не до сказок.

– Человек в черном плаще схватил маленькую девочку, а потом погнался за мной. Я боролась с ним, па! Я его так кусанула! Я как повернусь, как расцарапаю его, а потом как побегу! Я бежала, бежала и спряталась. Я забралась в твой механизм, па. Только это меня и спасло!

– То есть как это, схватил маленькую девочку? – Папаша нахмурился. – Какую девочку?

– Он... Она стояла вот так напротив, а потом вдруг исчезла прямо у меня на глазах!

– Ну, хватит, Сера, – пробормотал он с сомнением. – Ты сама не знаешь, что говоришь.

– Клянусь, па! – горячо воскликнула она. – Ты послушай меня.

Серафина глубоко вдохнула, сглотнула и начала рассказывать с самого начала. Только теперь она осознала, как храбро себя повела. Но отец лишь покачал головой:

– Тебе приснился плохой сон, вот и все. Перечитала книжек с привидениями. Я тебе говорил не увлекаться мистером По. Ты только глянь на себя. Вся встопорщенная, как опоссум, которого загнали в угол.

У нее упало сердце. Она рассказывала отцу самую что ни на есть правду, а он не верил ни одному слову. Серафина с трудом сдержала слезы. Ей шел тринадцатый год, а отец обращался с ней, как с маленькой.

– Мне не приснилось, па, – сказала она, вытирая нос.

– Успокойся, – пробурчал папаша.

Он ненавидел, когда она плакала. Серафина с детства знала, что ему легче управиться с металлическим листом, чем с плаксивой девчонкой.

– Мне надо работать, – ворчливо сказал папаша, отодвигаясь от нее. – Ночью генератор заело. А ты иди-ка в мастерскую и выспись как следует.

Серафина сжала кулаки в отчаянии и гнев. Но она видела, что отец говорит совершенно серьезно, и спорить бесполезно. Генератор Эдисона был стальной машиной с медными проводами и крутящимися колесами, которые вырабатывали то, что называли новомодным словом «электричество». Из прочитанных книжек Серафина знала, что большинство американских домов не может похвастать водопроводом, туалетом, холодильником и даже отоплением. А в Билтморе все это имелось. Большой дом был одним из немногих строений в Америке, где часть комнат освещалась с помощью электричества. Но если папаша не починит к ночи генератор, Вандербильты и их гости окажутся в темноте. Серафина понимала, что у отца и без нее хлопот полон рот.

И все-таки ей было обидно. Она пыталась спасти девочку от кошмарного дьявольского создания в черном плаще, сама чуть не погибла, – а папаше все равно. Его волновали только дурацкие механизмы. Никогда он ей не верил! Для него она всегда оставалась маленькой и не могла сказать ничего важного или стоящего внимания.

Серафина хмуро повернула в сторону мастерской. Она честно намеревалась выполнить отцовское указание, но, проходя мимо лестницы, которая вела на жилые этажи Билтморского поместья, неожиданно остановилась и посмотрела на ступени.

Она знала, что не должна так поступать.

Она даже думать об этом не имела права.

Но ничего не могла с собой поделать.

Все эти годы папаша твердил ей, что нельзя подниматься по лестнице. И Серафина старалась хотя бы отчасти слушаться его. Но сегодня она была в ярости от того, что он ей не поверил. «Не буду слушаться, и так ему и надо».

Серафина вспомнила девочку в желтом платье, ее расширенные от ужаса глаза, жуткий черный плащ – и попыталась найти какое-то объяснение увиденному. Куда она могла подеваться? Умерла? Или каким-то удивительным образом осталась жива? А вдруг ее еще можно спасти?

Сверху до нее долетели обрывки разговора. Там что-то происходило. Вдруг они нашли мертвое тело и теперь горько плачут? Или разыскивают убийцу?

Серафина не знала, поступает она глупо или смело, но ей было совершенно необходимо рассказать кому-нибудь о том, что случилось ночью. Она по-прежнему хотела помочь девочке в желтом платье.

А для этого нужно было выйти из подвала.

Стараясь съежиться до полной незаметности, она, крадучись, перебиралась со ступеньки на ступеньку. На нее, клубясь, опускалось облако звуков – отголоски слов, шорох платьев, перестук самых разных шагов. Наверху толпилось множество людей. Там определенно что-то происходило. «Нам следует держаться в стороне, тебе и мне, – всплыло в голове предупреждение папаша. – Ни к чему людям тебя видеть и задавать лишние вопросы».

Она скользнула на верхнюю ступеньку и тут же нырнула в темную нишу, из которой открывался вид на огромную комнату, полную нарядно одетых людей. Они, похоже, собрались по какому-то торжественному случаю.

Тяжелые двери из стекла и узорчатого кованого железа вели в зал с гладким мраморным полом и высокими потолками, которые поддерживались дубовыми стропилами с искусной резьбой. Устремленные ввысь известняковые арки вели в другие части особняка. Потолок был настолько высок, что Серафине сразу захотелось влезть на самый верх и оглядеться. Она была здесь не первый раз, но зал до того ей нравился, что она не переставала любоваться им, – особенно сейчас, при свете дня. Она никогда не видела столько сверкающих красивых вещей

одновременно, столько мягких поверхностей, на которых можно сидеть, столько укромных мест. Заметив стул, она с трудом удержалась от того, чтобы не провести ногтями по бархатной обивке. Чистая, блестящая, комната играла яркими цветами и оттенками. Нигде не было видно следов засохшей глины, жирных пятен, грязи. Повсюду стояли расписные вазы, полные цветов. Подумать только! Цветы внутри дома, а не снаружи.

Солнечный свет струился сквозь витражные окна закручивающейся на высоту четвертого этажа парадной лестницы и стеклянный купол зимнего сада, в котором бил фонтан и цвели тропические растения. Серафина даже зажмурилась от всей этой яркости.

В зале толпились дюжины прекрасно одетых дам и господ в сопровождении слуг в черно-белых ливреях, которые готовили своих хозяев к утренней верховой прогулке. Серафина загляделась на даму в амазонке из зеленого, с белыми узорами, бархата и дамаста цвета спелой клюквы. На другой даме амазонка была сиреневая, с темно-фиолетовыми вставками, и шляпка в тон. Ходили по залу и дети, одетые так же распрекрасно, как их родители.

Серафина старательно стреляла глазами, пытаясь рассмотреть и запомнить все вокруг. Сначала она внимательно изучила лицо дамы в зеленом, потом принялась за даму в сиреневой шляпке. Серафина знала, что ее мама давно умерла или уехала, но всю свою жизнь при виде женщины она сразу прикидывала, не похожа ли та на нее. Она и лица детей разглядывала – вдруг кто-нибудь из них доводится ей братом или сестрой. Когда Серафина была совсем маленькой, она любила рассказывать себе историю о том, как однажды прибежала домой вся перемазанная после охоты, и мама отвела ее вниз в подвалы, где засунула в стиральную машину с ременным приводом и ушла в свои покои, а потом случайно забыла про дочку. А Серафина все крутилась, и крутилась, и крутилась.

Папаша никогда не рассказывал, как выглядела ее мама, и все равно Серафина упорно выискивала ее черты в каждом встречном лице. Но сейчас, оглядев собравшихся в зале женщин и детей – белокурых и голубоглазых, черноволосых и кареглазых, – она сразу поняла, что они ей не родня.

Пусть она пришла сюда с определенной целью, при мысли о том, чтобы заговорить с кем-то из этих разряженных людей, внутренности ее каменели. Серафина сглотнула и сделала шаг вперед, но ком в горле мешал ей произнести хоть слово. Сейчас вся затея казалась Серафине невероятно глупой. Гости выглядели счастливыми и беспечными, как жаворонки в солнечный день. И этого Серафина понять не могла. Ведь девочка – одна из них, так почему же они ее не ищут? Можно подумать, что ничего не случилось, что она все выдумала. Да и что она им скажет? «Извините, пожалуйста... Я почти уверена, что видела, как ужасный человек в черном плаще сделал так, чтобы одна девочка растворилась в воздухе. Кстати, никто ее не встречал?» Естественно, они подумают, что она совсем ку-ку, ну и запрут, как кукушку в часах.

Мимо прошел господин в черном костюме, и Серафина вдруг осознала, что любой из этих мужчин может оказаться Человеком в плаще. Судя по скрытому тенью лицу и горящим глазам, убийца был своего рода призраком. Но, раз Серафина смогла впиться в него зубами, ощутить вкус его вполне настоящей крови, раз ему понадобилась лампа, чтобы освещать себе путь, – так же, как большинству людей, за которыми она наблюдала все эти годы, – значит, он был и земным существом тоже.

Серафина принялась рассматривать мужчин в толпе, стараясь не волноваться. Неужели он сейчас здесь?

В зал вошла Эдит Вандербильт, хозяйка дома, в эффектном бархатном платье и широкополой шляпе с перьями. Серафина завороченно следила за тем, как они покачиваются. Красивая, утонченная женщина с бледной кожей и густыми темными волосами, миссис Вандербильт жизнерадостно обратилась к гостям:

– Пока мы ждем, когда слуги выведут лошадей, я хотела бы пригласить всех в Гобеленовую галерею послушать музыку.

Послышались довольные голоса. Обрадованные новым развлечением, леди и джентльмены устремились в галерею – изящно обставленную комнату с хитроумными музыкальными инструментами. Потолок там был покрыт тонкой ручной росписью, а по стенам висели старинные гобелены. Серафине страшно нравилось лазить по ним ночью, скользя ногтями по мягкой ткани.

– Я уверена, что большинство из вас уже знакомо с мистером Монтгомери Торном, – произнесла миссис Вандербильт, плавно поводя рукой в сторону джентльмена. – Он любезно согласился играть для нас сегодня.

– Благодарю вас, миссис Вандербильт, – улыбнулся мистер Торн, выступая вперед. – Сегодняшняя прогулка – чудесная затея, и, должен признать, в это сияющее утро вы самая прелестная хозяйка на свете.

– Вы слишком добры, сэр, – улыбнулась в ответ миссис Вандербильт.

Серафина вслушивалась в речь билтморских гостей, сколько себя помнила. Как ей показалось, этот человек прибыл не с гор Северной Каролины и не из Нью-Йорка, подобно Вандербилтам. Скорее, он говорил с акцентом южанина откуда-нибудь из Джорджии или Южной Каролины. Она подвинулась вперед, чтобы получше его разглядеть. На нем были шитый камзол, белый атласный галстук и светло-серые перчатки. Все это, на взгляд Серафины, отлично сочеталось с черными, кое-где тронутыми сединой волосами и безупречными баками.

Господин взял со стола мастерски изготовленную скрипку и смычок.

– С каких это пор вы играете на скрипке, Торн? – дружески поинтересовался один из нью-йоркских гостей.

– Да вот, попробовал как-то, мистер Бендэл, – ответил мистер Торн, поднимая инструмент к подбородку.

– Интересно, когда? По пути в поместье? – фыркнул мистер Бендэл, и все рассмеялись.

Серафине стало немного жалко мистера Торна. Судя по шутливой перепалке, мистер Бендэл и мистер Торн были друзьями, и все же мистер Бендэл и вправду сомневался в том, что его приятель умеет играть.

Серафина с тревогой наблюдала, как готовится мистер Торн. Возможно, он и в самом деле недавно взял в руки скрипку, и это было его первое выступление. Она даже не могла представить себя играющей на такой штуке. Наконец джентльмен легко опустил смычок на струны, минуту постоял неподвижно, собираясь с мыслями, и заиграл.

И в тот же миг высокие залы огромного дома наполнились прекраснейшей музыкой, какую только слыхала Серафина, изящной и стремительной, льющейся, как река. Это было изумительно. Зачарованные красотой игры, леди, джентльмены и даже слуги жадно ловили каждый звук, и мелодия, казалось, пронзала их в самое сердце.

Серафина, как и все, наслаждалась музыкой, но в то же время не сводила глаз с ловких пальцев мистера Торна. Они с немислимой скоростью двигались по струнам и до того напоминали бегающих мышек, что Серафине отчаянно хотелось броситься на них.

Едва мистер Торн закончил играть, все зааплодировали и принялись его поздравлять, особенно мистер Бендэл, который над ним смеялся.

– Вы не перестаете поражать меня, Торн. Вы стреляете, как снайпер, вы бегло говорите по-русски, а теперь еще и играете на скрипке не хуже Вивальди! Скажите честно, есть ли что-нибудь, чего вы не умеете?

– Я определенно уступаю вам в искусстве верховой езды, мистер Бендэл, – проговорил мистер Торн, откладывая в сторону скрипку. – И, должен признать, это всегда казалось мне чрезвычайно досадным.

– Вы только подумайте, – воскликнул мистер Бендэл. – В непроницаемой броне этого человека нашлась-таки щелочка! – Он с улыбкой оглянулся на миссис Вандербильт. – Так когда же мы отправимся на прогулку?

Гости смеялись над шутками, которыми перебрасывались два джентльмена, и Серафина тоже улыбнулась. Она с удовольствием наблюдала за тем, как гости беседуют, касаются друг друга и обсуждают общие интересы. С удовольствием – и легкой завистью. Это было так непохоже на ее собственный мир, полный теней и одиночества. Какая-то девушка склонила голову и с улыбкой положила ладонь на руку молодого человека. Серафина попробовала повторить ее движение.

– Ты заблудилась? – спросили у нее за спиной.

Она стремительно обернулась, чуть не зашипев от страха, но вовремя сдержалась. Перед ней стоял мальчик. Возле него сидел крупный черный доberman и, наставив острые уши, внимательно смотрел на Серафину.

На мальчике были дорогая твидовая куртка и шерстяные брюки для верховой езды, жилет на пуговицах и высокие кожаные сапоги. Вид у него был слегка болезненный, даже хрупкий, но карие глаза смотрели из-под густой шапки волнистых темно-каштановых волос ясно и пронизательно. Мальчик молча разглядывал Серафину.

А ей понадобилось все ее мужество, чтобы не кинуться бежать. Она не знала, что делать. Может быть, он решил, что она бродяжка, по ошибке забредшая в дом? Или принял за служанку-замарашку, которая выметает камин и моет окна? В любом случае, она попалась. Он застукал ее там, где ей быть не полагалось.

– Ты заблудилась? – повторил мальчик, и на этот раз Серафина с удивлением поняла, что в его голосе звучит доброта. – Хочешь, я помогу тебе найти дорогу?

Он не выглядел смущенным или застенчивым, но и слишком самоуверенным или высокомерным тоже не был. И он совсем не сердился на Серафину за то, что она оказалась в месте, где ей быть не полагалось. Скорее, ему было любопытно.

– Я... я... я не заблудилась, – забормотала она. – Просто я...

– Ничего страшного, – сказал мальчик, делая шаг к Серафине. – Я сам иногда теряюсь, хотя живу здесь уже два года.

Серафина мысленно ахнула. Она вдруг догадалась, что разговаривает с молодым хозяином, племянником мистера Вандербильта. Она видела его много раз – то он стоял у окна своей комнаты, глядя на горы, то скакал на лошади по поместью, то гулял по тропам со своей собакой. Серафина наблюдала за ним давным-давно, но никогда не подходила так близко.

Почти все свои знания о младшем Вандербильте она почерпнула от слуг, которые не отказывали себе в удовольствии посплетничать о молодом хозяине. Когда ему было десять лет, его семья погибла в пламени пожара. Дядя взял мальчика к себе, и он стал Вандербильтам родным сыном.

Его считали одиночкой; недобрые языки шептали, что большинству людей он предпочитает общество собаки и лошадей. Конюхи говорили, что он выиграл множество синих лент на конных соревнованиях, и что его считают одним из самых талантливых наездников в округе. Повара, которые гордились своим умением готовить редкостные деликатесы, жаловались, что мальчишка вечно делится едой со своей собакой.

– Я обошел практически все комнаты на первом, втором и третьем этаже, – сообщил Серафине молодой хозяин, – и конечно, конюшни. Но остальные части дома для меня – неизведанная земля.

Мальчик старался быть вежливым, но Серафина все равно чувствовала себя не в своей тарелке, ведь впервые за много лет кто-то кроме отца смотрел прямо на нее. У девочки что-то ухало в животе, и по коже бегали мурашки. Вероятно, она выглядела смешно в обрывках папиной рабочей рубашки. И, конечно, мальчик заметил, что у нее грязные руки и лицо запачкано, а волосы какие-то пестрые и торчат во все стороны, как у призрака-банши. Неудивительно, что он так внимательно ее разглядывал.

Молодой хозяин наверняка знал в лицо всех гостей и слуг и теперь пытался вычислить, кто же перед ним стоит. Должно быть, он сразу сообразил, что она здесь чужая. У Серафины было две руки и две ноги, как у прочих, но все равно она отличалась от обычных девочек высокими острыми скулами и золотыми глазами. Сколько бы она ни ела, ее гибкое тело не желало поправляться. Скорее всего, она напонила мальчику Вандербильтов тощего поросенка или дикую маленькую куницу, но таких животных в доме не держали.

В глубине души – где-то очень глубоко – ей хотелось развернуться и бежать без оглядки, но в то же время Серафина подумала, что молодой хозяин – самый подходящий человек, кому она может рассказать про девочку в желтом платье. Затянутые в шелка надменные взрослые не удостоят вниманием маленькую замарашку. Но вдруг мальчик ее послушает?..

– Я Брэден, – сказал он.

– Я Серафина, – выпалила она, не задумываясь.

«Ненормальная! Зачем ты назвала ему свое имя?»

Мало того, что она позволила себя увидеть, так теперь мальчик сможет соотнести имя и лицо. Отец ее убьет!

– Приятно познакомиться, Серафина, – сказал он, поклонившись, как будто она заслуживала того же уважения, что и настоящая леди. – А это мой друг Гидеан, – представил он своего пса, который по-прежнему не сводил с нее враждебного взгляда черных глаз.

– Привет, – выдавила из себя Серафина.

Ей совсем не нравилось, как смотрит на нее пес: казалось, только воля хозяина удерживает Гидеана от того, чтобы начать рвать ее сверкающими белыми клыками.

Собрав всю свою храбрость, Серафина посмотрела в лицо Брэдену Вандербильту.

– Мастер Брэден, я пришла сюда, чтобы рассказать о том, что я видела...

– Правда? Что же ты видела? – с любопытством спросил он.

– Сегодня ночью внизу, в подвальном этаже, была девочка, такая хорошенькая, беленькая, в желтом платье. И еще я видела мужчину в...

Договорить ей не дал мистер Торн. Гости уже начали покидать Гобеленовую галерею и двигаться к главному выходу. Мистер Торн отделился от остальных и подошел к Брэдену.

– Вы идете, юный мастер Вандербильт? – бодро спросил он со своим южным акцентом. – Наши лошади готовы, и мне не терпится увидеть, чему вы научились за последнее время. Может, поедемся вместе?

Лицо Брэдена осветилось улыбкой.

– Да, сэр, мистер Торн, – ответил он. – С удовольствием.

Но, как только мистер Торн нагнал свою компанию, юный хозяин тотчас повернулся к Серафине.

– Извини, ты рассказывала мне о том, что увидела...

Но тут вниз по ступенькам с топотом сбежал мистер Бозман, управляющий поместьем и начальник папаша. Он всегда был хмурым и грубым, и сегодняшней день не стал исключением.

– Эй, ты! Ты кто такая? – гаркнул он, хватая Серафину с такой силой, что она дернулась от боли. – Тебя как звать, девочка?

Казалось, случилось самое страшное, но тут в главном зале поднялась суматоха. Полная, средних лет женщина в ночной рубашке и халате сбежала с третьего этажа и ворвалась в толпу, сея волнение и панику.

– Это миссис Брамс, – удивился мистер Бозман, оглянувшись.

– Кто-нибудь видел мою Клару? – отчаянно кричала миссис Брамс, хватаясь за людей вокруг. Даму ничуть не заботил ее неподобающий наряд и растрепанные волосы. – Пожалуйста, помогите, она пропала! Я нигде не могу ее найти!

Миссис Вандербильт кинулась к гостье и взяла ее за руки, пытаясь успокоить.

– Дом очень велик, миссис Брамс. Я уверена, что Клара пошла прогуляться и забыла о времени.

Толпа беспокойно зашумела. Леди и джентльмены начали переговариваться, взволнованно расспрашивая друг друга о том, что случилось.

«Мисс Клара Брамс, – подумала Серафина. – Вот кто эта девочка в желтом платье».

Мистер Бозман тем временем продолжал крепко держать ее за руку.

Серафина хотела рвануться вперед и рассказать о том, чему стала свидетельницей, но замешкалась. Если она подаст голос, ее, скорее всего, забросят вопросами: «Откуда ты взялась? Что делала посреди ночи в подвале?» А ответить она не сможет.

Неожиданно в середине толпы оказался хозяин дома, мистер Джордж Вандербильт.

– Прошу вашего внимания! – громко произнес он, вскидывая руки, и все гости и слуги немедленно замолчали и стали слушать. – Я уверен, вы согласитесь со мной, что надо отложить прогулку и начать поиски мисс Брамс. После того, как она найдется, мы продолжим наши развлечения.

Джордж Вандербильт был темноволосым и черноусым джентльменом лет тридцати, с умным лицом и внимательными темными глазами. Он был известен своей любовью к чтению, но это не мешало ему иметь подтянутый вид здорового крепкого человека и выглядеть моложе своего истинного возраста. Так думала не одна Серафина. Она слышала, как слуги на кухне шутят, что хозяин, не иначе, нашел источник вечной молодости. Мистер Вандербильт всегда тщательно следил за своей внешностью, и Серафина, с удовольствием наблюдая за тем, как он непринужденно успокаивает толпу, не могла не окинуть взглядом его одежду. Особенно обувь. Как и на всех присутствующих джентльменах, на нем была куртка для верховой езды, но на ногах вместо высоких сапог красовались дорогие туфли из черной кожи. Когда он вышел на середину зала, его ботинки знакомо защелкали по мраморному полу... Этот же звук Серафина слышала минувшей ночью в коридорах подвального этажа.

Девочка оглядела обувь других мужчин. Брэден, мистер Торн, мистер Бендэл были в сапогах, поскольку приготовились к прогулке, но мистер Вандербильт остался в ботинках.

Он подошел к матери пропавшей девочки и принялся ее утешать:

– Мы обыщем поместье сверху донизу, миссис Брамс, и будем искать, пока не найдем ее. – Вандербильт повернулся к леди и джентльменам, махнул лакеям и служанкам. – Разобьемся на пять поисковых групп, – объявил он. – И обыщем весь дом. Все четыре этажа и подвал. Если кто-нибудь заметит что-то подозрительное, сразу сообщите.

Сердце Серафины похолодело от страха. Они хотят обыскать подвал! Значит, и мастерскую тоже! Отчаянно рванувшись всем телом, она освободилась от хватки мистера Бозмана и кинулась вниз по лестнице до того, как он успел ее остановить. Она мчалась в подвал, чтобы скорее предупредить папашу. Остатки вчерашнего ужина, матрас, на котором она спала... все это необходимо спрятать!

4

Серафина влетела в мастерскую и схватила отца за руку.

– Па, у них и правда пропала девочка! – выпалила она, задыхаясь от быстрого бега. – Как я и говорила! Теперь мистер Вандербильт приказал обыскать весь дом!

В ее торопливых словах слышались тревога и гордость. Напомнив отцу о своем ночном приключении, Серафина не сомневалась: теперь-то он поверит, что она не выдумала его и не увидела во сне.

– Обыскать весь дом? – переспросил папаша, не обращая внимания на все остальное.

Он одним движением сгреб со скамьи запасы провизии и бритву, затем втащил матрас Серафины в потайную нишу, которую соорудил за стеллажом для инструментов. Поисковая группа не должна была найти и следа их пребывания в мастерской.

– А как же девочка, которая пропала? – растерянно спросила Серафина. Она не понимала, почему он совсем не заинтересовался ее рассказом.

– Дети не пропадают просто так, – буркнул он, продолжая прятать вещи.

Сердце Серафины упало. Отец по-прежнему ей не верил.

Папаша в последний раз окинул комнату внимательным взглядом, убеждаясь, что ничего не упустил, а потом посмотрел на дочь. Она чуть было не решила, что он наконец-то хочет выслушать ее, но папаша лишь указал на щетку для волос:

– Господи, дочка, собирай свои вещи!

– Но как же Человек в черном плаще? – спросила она.

– Знать о нем не желаю! – рявкнул отец. – Тебе приснился кошмар. Давай живее.

Серафина вздрогнула, как от боли. Она не понимала, почему он так злится. Но в его голосе раздражение мешалось с беспокойством, а вдалеке уже слышались голоса спасателей, спускавшихся по лестнице. Серафина знала, что отца пугает не только то, что их могут обнаружить. Он ненавидел разговоры обо всем сверхъестественном, о существующих в мире темных и могучих силах, которые невозможно призвать к порядку с помощью гаечных ключей, молотков и отверток.

– Но это случилось на самом деле! – требовательно воскликнула Серафина. – Девочка пропала по-настоящему, па. Я говорю правду!

– Маленькая девочка заблудилась, вот и все, и сейчас ее ищут, а значит, найдут, где бы она ни была. Включи мозги. Люди не растворяются в воздухе. Где-то она есть.

Серафина встала посреди комнаты.

– По-моему, мы должны вместе пойти к ним прямо сейчас и рассказать все, что я видела, – прямо заявила она.

– Нет, Сера, – сказал отец. – Они нас заклюют, если узнают, что я здесь живу. Меня уволят. Понимаешь? И бог знает, что они решат насчет тебя. Никто даже не догадывается о твоём существовании, и пусть так оно и остается. Я говорю тебе это совершенно серьезно, девочка. Поняла?

Голоса спасателей уже доносились из коридора и направлялись в их сторону.

Стиснув зубы, она отчаянно замотала головой и загородила отцу проход.

– Почему, па? Почему? Почему мне нельзя показываться людям? – У нее не хватило смелости признаться, что один Вандербильт ее уже увидел и даже знает, как ее зовут. – Просто ответь, па. Мне двенадцать лет. Я уже большая. Я имею право знать.

– Послушай, Сера, – сказал он. – Прошлой ночью кто-то сломал генератор. И я не знаю, сумею ли его починить. Но если не справлюсь к ночи, мне здорово влетит от начальства – и за дело. Свет, лифты, вызов прислуги – весь дом зависит от машины Эдисона.

Серафина попыталась представить, как кто-то прокрадывается в электрокомнату и портит оборудование.

– Но зачем кому-то понадобилось ломать генератор, па?

Спасатели уже шли через кухонные помещения и в любую минуту могли войти в мастерскую.

– Мне некогда думать об этом, – ответил он, надвигаясь на нее своим большим телом. – Я просто должен его починить. А теперь делай, что велят!

Он пробежался по комнате, хватая и пряча вещи так грубо, и громко, и яростно, что Серафине стало страшно. Она следила за ним, спрятавшись за бойлером. Она знала, что когда папаша в таком состоянии, уговаривать его бесполезно. Он хотел только одного: чтобы ему дали спокойно заниматься своими механизмами. Но ее терзали вопросы без ответов, и, чем больше она думала об этом, тем больше злилась. Она понимала, что сейчас не время обсуждать с отцом свои мысли и чувства, но ей уже было все равно. Девочка не могла остановиться.

– Прости, па. Я понимаю, что ты занят, но, пожалуйста, объясни, почему ты не хочешь, чтобы меня кто-нибудь видел. – Она вышла из-за бойлера и встала напротив него. Ее голос звучал все громче. – Почему ты прятал меня все эти годы? Скажи, что со мной не так? Я хочу знать. Почему ты меня стыдишься?

Теперь она почти кричала. Голос ее стал таким громким и пронзительным, что отдавался эхом.

Папаша резко замер и поглядел на нее. И тогда она поняла, что все-таки пробилась сквозь броню к его сердцу. Она достучалась до отца. Серафине вдруг захотелось взять все свои слова назад и снова спрятаться за бойлером. Но она этого не сделала. Она стояла перед отцом, твердо глядя на него, хотя на глазах выступили слезы.

Он замер возле скамьи, сжав большие руки в кулаки. На лице его попеременно отражались боль и отчаяние, так что мгновение он не мог говорить.

– Я тебя не стыжусь, – сказал он хмуро, осипшим голосом.

Спасатели были в двух комнатах от них.

– Стыдишься, – резко бросила Серафина. Она дрожала от страха, но сдаваться на этот раз не собиралась. Ей хотелось встряхнуть папашу, достать до печенок. – Ты меня стыдишься, – повторила она.

Папаша отвернулся так, чтобы она не видела его лица, – только затылок и грузное тело. Несколько секунд стояла тишина. Затем он мотнул головой, словно спорил сам с собой или злился на нее, или и то, и другое, – Серафина точно не поняла.

– Закрой рот и иди за мной, – сказал он наконец и вышел из комнаты.

Серафина нагнала его в коридоре. Ей было не по себе. Она не знала, куда он ее ведет и что будет дальше. С трудом переводя дыхание, она торопливо спускалась за папашей по узким каменным ступеням на нижний уровень – туда, где молчал генератор и по стенам змеились толстые черные провода. Спасатели остались позади, по крайней мере, на какое-то время.

– Пересидим здесь, – сказал он, запирая тяжелую дверь электрокомнаты.

Затем зажег фонарик, и в разорвавшем темноту луче света Серафина увидела его лицо – очень серьезное, строгое, бледное. Ей стало страшно.

– В чем дело, па? – спросила она дрожащим голосом.

– Садись, – сказал он. – Тебе не понравится то, что я скажу, но все равно слушай.

Сглотнув, Серафина опустила на большую катушку медного провода. Папаша уселся на пол напротив нее, привалившись спиной к стене. Глядя себе под ноги, он заговорил.

– Много лет назад я работал механиком в железнодорожной мастерской Эшвилла, – сказал он. – В семье бригадира в тот день родился третий сынок, и в доме у них царилась радость. Все вокруг праздновали, и только я чувствовал себя одиноким и несчастным, хотя винить в

этом было некого, кроме самого себя. Я не горжусь тем, что распустил сопли в ту ночь, но что-то не складывалась у меня жизнь так, как положено. Мне хотелось повстречать добрую женщину, построить собственный дом в городе, завести детей. Но годы шли, а ничего не происходило. Я был грубым здоровяком и совсем не красавцем. Вкалывал с утра до ночи среди своих механизмов, а в те редкие минуты, когда приходилось общаться с женщинами, не знал, что им сказать. Я мог до рассвета болтать о винтиках да колесиках, но больше ни о чем.

Серафина хотела было задать вопрос, но не стала прерывать отца, у которого наконец-то развязался язык.

– Той ночью, пока все опрокидывали кружку за кружкой, – продолжал он, – я совсем затосковал и решил прогуляться. Уйти куда-нибудь подальше. Так бывает, когда в голове толпятся мысли, из-за которых все валится из рук. Я забрался глубоко в лес, прошел вверх по излучине реки и дальше в горы. Когда наступила ночь, я все еще шел.

Серафине трудно было представить папашу в лесу. Он столько раз запрещал ей туда ходить, что она не сомневалась: сам он не ступит туда ни шагу. Он ненавидел лес. Во всяком случае, сейчас.

– Тебе было страшно, па?

– Не, не было. – Он помотал головой, по-прежнему не отрывая взгляда от пола. – А должно было.

– Почему? Что случилось?

Серафина глядела на него во все глаза. Фонарь бросал таинственную тень на лицо папаши. Девочка всегда любила слушать отцовские рассказы, но этот, похоже, был особенно важен для него.

– Бредя через лес, я вдруг услышал странный вой, как будто животное мучилось от ужасной боли. Кусты вздрагивали от яростных движений, но я не мог разобрать, что там такое.

– Там кто-то умирал, па? – Она нетерпеливо подалась вперед.

– Нет, – ответил он, поднимая голову. – Какое-то время возня в кустах продолжалась, а потом внезапно стихла. Я думал, все кончено, но тут из темноты на меня уставилась пара желто-зеленых глаз. Не знаю, что это было за существо, человек или зверь, но оно медленно обошло меня кругом, разглядывая так и этак, словно соображало: слопать или отпустить восво-яси. Я чувствовал силу за этим взглядом. А потом глаза пропали. Существо исчезло. И тут я услышал странный звук – то ли плач, то ли мяуканье.

Серафина выпрямилась и удивленно моргнула.

– Плач? – с недоумением переспросила она.

Она ожидала чего угодно, но только не этого.

– Я обыскал кусты. Земля была покрыта кровью, и в этой крови лежала кучка крошечных созданий. Трое были мертвы, но одно еще дышало.

Серафина слезла с катушки и уселась возле папаши. Рассказ полностью поглотил ее, и она буквально видела этих крошечных созданий на земле.

– Но кто это был? – зачарованно спросила она.

Папаша покачал головой:

– Как и всякий житель этих гор, я слышал рассказы о черной магии, но до той ночи никогда не придавал им значения. В темноте я попытался рассмотреть плачущее существо, но так и не понял, что это такое. Или, может, не хотел понимать. Но когда я в конце концов взял его в руки, стало ясно, что передо мной крошечный человеческий младенец, свернувшийся клубком.

Глаза девочки распахнулись от удивления.

– Что? Погоди, я не понимаю. Как это могло произойти? Как младенец туда попал?

– Я спрашивал себя о том же, поверь, но только одно знал точно: откуда бы он ни пришел в наш мир, я должен ему помочь. Завернув кроху в куртку, я спустился с гор и поспешил прочь

из леса. Я знал, что сестры из монастыря в Эшвилле помогают роженицам, и направился к ним, рассудив, что с младенцами они тоже обращаться умеют. Но они и слушать меня не стали, только охали и бормотали, что это творение дьявола. Они твердили, что уродец скоро помрет, и сделать тут ничего нельзя. Помогать они отказались.

– Но почему? – возмутилась Серафина. – Это же ужасно! И так жестоко!

Нельзя бросить живое существо на произвол судьбы лишь потому, что оно не похоже на других. Что же за мир там снаружи? Отношение монахинь к умирающему младенцу взволновало ее едва ли не сильнее, чем рассказ о странном желтоглазом существе, обитающем в ночном лесу. И в то же время она восхитилась отцом, представив, как он греет в своих больших теплых руках крошечное тельце, не давая ему погибнуть.

Папаша горестно вздохнул, вспоминая давние события, и продолжил рассказ:

– Пойми, Сера, глаза у бедняжки были закрыты веками, и монашки заявили, что она никогда не сможет видеть. И слышать тоже, поскольку родилась глухой. И на каждой ножке у нее было не по пять, а по четыре пальца. Но это еще ерунда. Ее ключицы были вывихнуты, а ненормально длинная изогнутая спина вся перекошена. Кто угодно подумал бы, что долго она не протянет.

Серафина сидела, словно громом пораженная. Она потрясенно уставилась на папашу.

– Это я тот младенец! – закричала она, вскакивая.

Это был не просто рассказ, это была история ее жизни! Это она родилась в лесу. И значит, это ее папаша нашел и взял к себе. Она была как лисенок, выкормленный койотом. Серафина встала перед отцом.

– Это я тот младенец! – повторила она.

Папаша посмотрел на нее, и по его глазам она поняла, что это правда. Но он ничего не сказал – ни да, ни нет. Как будто он не мог увязать воедино события той темной ночи и свою взрослую дочку. Поэтому он рассказывал историю так, как мог: будто речь шла не о Серафине.

– Спинные позвонки малышки соединялись неправильно, – продолжил он. – Монахини перепугались до смерти от одной мысли, что им придется ухаживать за этим ребенком. Они в самом деле смотрели на него, как на дьявольское отродье. Я же видел крошечную девочку, которую нашел в лесу. Как ее бросишь? И какая разница, сколько у нее пальцев?

Серафина снова опустилась на пол, пытаясь осознать услышанное. Только теперь она начинала понимать, что за человек ее отец, откуда в ней самой такое упорство. Но голова шла кругом. Как она могла унаследовать его черты, если она ему не родная?

– Я забрал малышку – побоялся, как бы монашки ее не утопили, – сказал он.

– Ненавижу этих монашек, – процедила она. – Они ужасные!

Папаша покачал головой. Но он не спорил, скорее, не хотел думать о них, поскольку они волновали его меньше всего.

– У меня не было подходящей еды, – сказал он, – поэтому я тайком пробрался в хлев одного фермера и подоил козу. Заодно стянул бутылку. Нехорошо, конечно, но малышку нужно было покормить, и другого выхода я не видел. Несмотря на слабость и слепленные глаза, она отлично пила молоко. А я молился, чтобы ей это помогло. Чем дольше я держал ее на руках и смотрел, как она сосет, тем сильнее хотел, чтобы она осталась жива.

– А что потом? – Серафина подседа ближе. Она знала, что за запертой дверью электрокомнаты где-то над ними ходят законные обитатели Билтморского поместья, обыскивая помещение за помещением. Но сейчас ей было все равно. – Дальше, па, рассказывай дальше, – попросила она.

– Я стал искать женщину, которая могла бы как следует ухаживать за младенцем, но ни одна не соглашалась. Все были уверены, что ребенок скоро умрет. А две недели спустя, когда я одной рукой чинил мотор, а другой кормил найденыша из бутылочки, кое-что произошло. Малышка впервые в жизни открыла глаза и посмотрела прямо на меня. Я же молча смотрел

на нее, не в силах оторваться от этих огромных, прекрасных желтых глаз. Тогда я понял раз и навсегда, что принадлежу ей, и что она принадлежит мне, что мы родные отныне и спорить с этим бессмысленно.

Серафина завороченно слушала, забыв даже моргать. Огромные желтые глаза, о которых рассказывал папаша, смотрели на него вот уже двенадцать лет.

Он медленно вытер рот рукой, бросил взгляд на генератор и заговорил снова.

– Я кормил найденыша утром и вечером, спал, уложив малышку рядом с собой. Я устроил ей гнездо в ящике из-под инструментов, который стоял возле меня во время работы. Когда она подросла, я научил ее ползать и бегать. Я ухаживал за ней, как мог, – ведь она теперь была моей, – но люди начали задавать вопросы. А потом появились молодчики со значками и пистолетами и принялись околачиваться поблизости. Как-то ночью, когда я работал в железнодорожной мастерской, трое парней дождались, пока малышка отойдет от меня подальше, и затем окружили ее. Они хотели забрать ее и увезти неизвестно куда, а может, сделать что похуже. Первого я сбил с ног – он рухнул, обливаясь кровью, и больше не поднялся. Затем я напощал второму и уже повернулся к третьему, но тот кинулся бежать. С малышкой все было в порядке, слава богу. Но мне грозили большие неприятности. Я понимал, что они придут снова, и в следующий раз их будет больше, и они принесут наручники для меня и клетку для малышки. Надо было уходить, но так, чтобы нас не заметили любопытные глаза и не выдали болтливые рты горожан. Поэтому я уволился из железнодорожных мастерских и нашел другую работу – в горах, где строили большущий дом.

Серафина ахнула: она наконец поняла, что папаша прячет не только ее, он прячет их обоих. «Вот почему мы живем в подвале!» – с облегчением подумала она. Папаша защищал ее.

– Я заботился о малышке и в хорошие, и в тяжелые времена, – сказал он. – Делал все, что мог, и с годами странное крошечное существо, которое я нашел в лесу, выросло в чудесную девочку. А я постарался крепко-накрепко забыть о том, как она пришла в этот мир и как очутилась у меня.

Тут отец оборвал рассказ и серьезно посмотрел на Серафину.

– И теперь это ты, Сера, – сказал он. – Это ты. Конечно, ты не похожа на прочих девочек, но ты вовсе не урод и не калека, что бы ни говорили монашки. Ты изящно двигаешься – быстро и ловко, как никто другой. Ты вовсе не глухая и не слепая, наоборот, у тебя тонкий слух и острое зрение. Я защищал тебя последние двенадцать лет, и клянусь, это были лучшие годы в моей жизни. Ты стала для меня всем, девочка. Я ни капли не стыжусь тебя, я только хочу, чтобы мы оба уцелели.

Он замолчал, глядя на нее спокойными темными глазами, и Серафина вдруг поняла, что всхлипывает. Она поспешно утерла слезы, пока папаша не рассердился на нее за то, что она ревет. В каком-то смысле Серафина никогда не чувствовала себя ближе к нему, чем сейчас. Но в то же время в голове билась мысль: он ей не отец. Он нашел ее в лесу. Двенадцать лет он обманывал ее и всех вокруг. Двенадцать лет отказывался говорить с Серафиной о матери. А девочка все гадала и гадала, и вот – вот она, правда. Слезы упрямо бежали по щекам. Глухая, глупая Серафина! Придумывала истории про знатных дам, про маму, которая забыла ее в стиральной машине, и прочую ерунду. Сколько часов она провела, размышляя о том, кто она такая, а папаша с самого начала знал – и молчал.

– Почему ты не сказал мне? – спросила она.

Папаша не ответил.

– Почему ты не сказал мне, па? – повторила она.

Глядя себе под ноги, он медленно покачал головой.

– Па...

В конце концов Серафина услышала:

– Потому что не хотел, чтобы это было правдой.

Она потрясенно уставилась на него:

– Но это же правда, па. Как она может стать неправдой?!

– Прости, Сера, – сказал он. – Я просто хотел, чтобы ты была моей маленькой дочкой.

Несмотря на кипящее в груди возмущение, от этих слов у нее перехватило горло. Отец все-таки дотянулся до своего сердца и рассказал, о чем думал, что чувствовал, чего боялся, о чем мечтал.

А мечтал он о *ней*.

Стиснув зубы, Серафина несколько раз вдохнула через нос и посмотрела на отца.

Она была рассержена, растеряна, потрясена, взволнована и напугана – все одновременно. Наконец-то она знала правду. Ну или хотя бы часть правды.

Она не просто *чувствовала* себя другой, она и *была* другой. Созданием ночи. Она явилась из того самого леса, которого отец всю жизнь учил ее бояться, в который запрещал ходить. Мысль об этом внушала Серафине страх и отвращение – и вместе с тем была в новом знании какая-то определенность, почти что облегчение. Теперь все обретало смысл – пусть странный, но все-таки смысл.

Серафина посмотрела на отца, привалившегося спиной к стене. Папаша выглядел обессиленным, как человек, который наконец разделил с кем-то тяжелую ношу.

Поднявшись с пола, он отряхнул ладони и медленно перешел на другую сторону комнаты, все еще погруженный в свои мысли.

– Прости меня, Сера, – проговорил он. – Боюсь, то, что ты узнала, доставит тебе мало радости, но ты действительно растешь и заслуживаешь того, чтобы я больше не скрывал от тебя правду.

С этими словами отец подошел к ней, присел на корточки и, взяв за плечи, заглянул в лицо:

– Но что бы ты ни делала с этим знанием, помни: с тобой все в порядке, Сера, ты совершенно нормальная, слышишь?

– Слышу, па, – кивнула она, вытирая слезы. На душе бушевал ураган, но одно она знала точно: отец верит в нее.

А в голове тем временем рождались тысячи вопросов. Придется ли ей прятаться всю жизнь? Найдет ли она когда-нибудь общий язык с обитателями Билтмора? Появятся ли у нее друзья? Что значит быть созданием ночи? Серафина посмотрела на свою руку. Если она отрастит ногти, превратятся ли они в когти?

Было слышно, как спасатели пробираются через подвал, но Серафина попыталась отключиться от звуков шагов и голосов. Она снова подняла глаза на отца. И помолчав, тихо задала вопрос, который давно уже у нее назревал.

– А моя мать?

На мгновение папаша зажмурился и сделал глубокий вдох, а потом, глядя на Серафину, сказал с непривычной мягкостью:

– Прости, Сера. Но, по правде говоря, я не знаю. Когда я пытаюсь вспомнить ее, мне кажется, что она была красивой и сильной. Она отчаянно боролась, чтобы произвести тебя на свет, Сера, и хотела остаться с тобой, но не могла. Не знаю почему. Но она отдала тебя мне, чтобы я любил тебя и заботился, и за это я ей очень благодарен.

– Значит, она по-прежнему может быть где-то там... – Ее голос неуверенно дрогнул.

Мысли о матери были подобны вспыхнувшему солнцу – и точно так же согревали.

– Может, – осторожно ответил он.

Серафина посмотрела на отца.

– Па, как... как ты думаешь... она была человеком... или...

– Ничего не хочу слышать, – резко перебил он, качая головой. По тому, как сжались его губы, Серафина поняла, насколько болезненно он воспринял этот вопрос. – Ты моя дочка. Вот что я знаю.

– Но в лесу... – начала она.

– Нет, – отрезал отец. – Я не хочу, чтобы ты об этом думала. Ты живешь здесь. Со мной. Здесь твой дом. Я уже говорил тебе, Сера, и скажу снова: наш мир полон тайн и загадок. Никогда не заходи в глубь леса. Там нас подстерегает множество опасностей, темных и светлых сил. Они отнимут твою душу.

Серафина взглядела в его лицо, пытаясь вникнуть в смысл сказанного. Отец был совершенно серьезен, да и она сердцем ощущала, что он прав. У нее был только один человек на всем белом свете – папаша.

Она слышала, как спасатели спускаются на нижний уровень и осматривают комнаты. Волоски у нее на руках встопорщились. Бежать.

Серафина снова посмотрела на отца. После того как он все ей рассказал, она не хотела сердить его и возвращаться к неприятному разговору. Но она просто не могла не задать еще один, последний, вопрос.

– Но кто же все-таки напал на девочку в желтом платье? Что это за демон, па? Он пришел из леса, или это один из нарядных господ с верхних этажей?

– Не знаю, – ответил папаша. – Я молил бога, чтобы это оказалось твоей выдумкой.

– Это не выдумка, па, – мягко проговорила она.

Отец больше не желал спорить. Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Даже не думай вылезать, Сера, – сказал он. – Это слишком опасно для нас, и ты теперь знаешь почему. Я понимаю, что ты рвешься помочь девочке, и это показывает, что у тебя доброе сердце, но не думай больше о ней. Это их девочка, не наша. Они в нашей помощи не нуждаются. Они сами ее найдут. А ты держись от них подальше.

В этот миг кто-то забарабанил по тяжелой двери электрической комнаты.

– Мы обыскиваем дом! – заорал мужской голос.

Серафина лихорадочно огляделась по сторонам, хотя прекрасно знала, что другого выхода из комнаты нет.

– Откройте дверь! – закричал другой мужчина. – Открывайте!

5

Едва папаша открыл дверь, в электрокомнату ворвались мистер Бозман и еще двое. Вцепившись в металлические крючья на потолке, Серафина затаилась среди толстых медных проводов, которые уходили вверх, на жилые этажи.

Отец тут же пустился в сложные объяснения о том, как генератор вырабатывает электричество. Гости ошалело молчали. Тем временем Серафина проползла по потолку, беззвучно спустилась у них за спиной и выскользнула в открытую дверь.

Она промчалась по коридору, забилась в угольный желоб, свернулась там калачиком и замерла.

Она всегда умела тихо сидеть в укромных местах. Осторожно поглядывая наружу сквозь крошечную дырочку в железной дверце, наблюдая за спасателями, пробегающими то в одну, то в другую сторону, Серафина продолжала обдумывать историю своего рождения. Девочка все еще злилась на отца за его долгое молчание. Неужели это правда, и она родилась на земле в ночном лесу? Ее мать, кем бы она ни была, повела себя очень мужественно.

Но чем больше Серафина размышляла, тем сильнее склонялась к мысли, что, возможно, мама и не отправлялась в лес специально для того, чтобы родить детей. Вполне вероятно, она там жила. Но тогда... что за создание ее мать? И она сама – кто такая? Вдруг отцу не следовало забирать ее с собой?

Все эти мысли сбивали с толку, Серафину одолевали растерянность и тревога. В один миг она потеряла все: папаша больше не был ее отцом, Билтмор – родным домом. А мама так и не нашлась.

Теперь стало ясно: отец прятал Серафину, потому что боялся, что люди ее обидят. Но ведь папаша ее любил, значит, и другие способны полюбить? Какая, в конце концов, разница, когда ты спишь, а когда охотишься? Наверняка всем нравится нежиться в лучах солнца на теплом подоконнике, или любоваться летящей по небу птичкой, или гулять прохладной лунной ночью, когда над головой сияют звезды. Серафина, правда, не знала, могут ли ее ровесники поймать крысу-другую голыми руками, но ничего странного в этом не видела.

Мимо прошла еще одна группа спасателей. Серафина покачала головой. Если бы Клара Брамс была жива и захотела спрятаться, для нее нашлось бы множество местечек. Взрослые, которые в панике носились по подвалу, даже не догадывались, сколько возможностей таит в себе поместье. Здесь были *тысячи* тайников. Но Серафина все же надеялась, что они найдут Клару, несмотря на то, что случилось ночью. Хотя вряд ли. Клары Брамс больше *не было*.

«Вы слишком шумные и слишком суетливые, – думала Серафина, наблюдая за поисковым отрядом. – Так вы ее никогда не найдете. Крысу надо уметь поймать».

Папаша велел ей выкинуть пропавшую девочку из головы, сказал, что это не ее дело. Кто бы говорил! Сам-то забрал чужого ребенка из леса! А вдруг Клара еще жива и ждет помощи? Разве Серафина может сидеть сложа руки? Вдруг Человек в черном плаще придет снова и заберет еще кого-нибудь?

Она решила, что обязательно найдет Брэдена Вандербильта и все-таки расскажет ему про то, что видела. Промолчать будет неправильно. И потом она всегда мечтала о друге, а какой же подругой она станет Кларе Брамс, если не попытается ей помочь?

Когда коридор опустел, Серафина осторожно выбралась из желоба. Сначала она хотела подняться наверх, но, проходя мимо заросших мхом ступенек, которые вели на нижние уровни подвала, вдруг подумала, не осталось ли там следов ночного происшествия. Молодой хозяин гораздо охотнее поверит ее рассказу, если она принесет ему какие-то вещественные доказательства.

Серафина шмыгнула вниз по лестнице; она уходила все глубже в сырую мглу подземелья, пока не добралась до наклонного, сочащегося коричневой жижой туннеля.

Против воли она задыхалась быстрее, но продолжала идти, уверяя себя, что все будет хорошо.

Серафина кралась сквозь тьму, пока не пришла к тому месту, где увидела Человека в черном плаще. Кроме красных брызг на стене, ничто не напоминало о Кларе Брамс. На полу валялся крошечный осколок стекла.

«От разбитого фонаря», – подумала Серафина.

Она внимательно осмотрела все вокруг, но больше ничего не нашла.

Обратно Серафина возвращалась тем же путем, что и ночью, когда убегала от Человека в черном плаще, кем бы он ни был. Тщательно изучив места, где ей пришлось от него отбиваться, девочка заметила у стены нечто, похожее на разлагающуюся крысу. Размером и цветом находка напоминала мерзкого грызуна. Подойдя ближе, Серафина поморщилась от ударившего в нос зловония. Это была не крыса. Сцепив зубы, девочка опустилась на колени, чтобы получше рассмотреть непонятный предмет. На полу валялась смятая перчатка. В тот же миг перед мысленным взором Серафины возник закручивающийся черный плащ, отрезающий ее от всего, что она знала и любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.